

Надруковано:

Вишницкая Ю. В. Мифологические сценарии в современном мире: постановка вопроса // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: Научный журнал. Серия "Филология. Социальные коммуникации". Т. 24(63). – № 3. – Симферополь, 2011. – С. 33-40. **фахове видання**

Вышницкая Юлия Васильевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории, истории
и методики преподавания
зарубежной литературы
Гуманитарного института
Киевского университета
имени Бориса Гринченко
(Киев, Украина)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

У статті описано наукові теорії тлумачення міфу та інформаційних моделей, за допомогою яких вибудовуються міфологічні сценарії. На матеріалі духовно-сакральної літератури досліджено сучасні етносценарії «втрати та знаходження рая» та «повернення до хаосу» як відтворення ритуалу ініціації. Сценарії реконструйовано з використанням фреймового аналізу.

Ключові слова: бінарна опозиція, ментальна модель, міф, міфологічний сценарій, образна схема, прототип, ритуал, секуляризація, трансформація, фрейм.

В статье представлены научные понимания мифа и информационных моделей, с помощью которых выстраиваются мифологические сценарии. На материале духовно-сакральной литературы исследованы современные этносценарии «потери и обретения рая» и «возвращения в хаос» как

отражение ритуала инициации. Сценарии реконструированы с использованием фреймового анализа.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, ментальная модель, миф, мифологический сценарий, образная схема, прототип, ритуал, секуляризация, трансформация, фрейм.

The article outlines a theoretical aspect of researches into neo-mythologism in modern society: it introduces scientific theories of the interpretation of myth and information models which help construct mythological script that undergoes a long process of adaptation in society. The modern ethnical script of "Paradise Lost and Paradise Regained" is being researched on the material of the religious literature. It is being reconstructed through the prism of the universal mythologeme of "the road" with the use of the frame analysis.

Keywords: binary opposition mental model, myth, mythological script, figurative scheme, prototype, secularization, transformation.

Проблема онтологии мифологической вселенной развернула перед исследователями миф в его особой парадигме, где, по словам Роллана Барта, все «...материальные носители мифического сообщения (собственно язык, фотография, живопись, реклама, ритуал, какие-либо предметы и т.д.), какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания; все они представляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств» [2: 78-81], а миф «одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает» [там же].

Миф, фиксируя, храня и передавая традиционные и поведенческие нормы, представляется моделирующей системой и воспринимается как актуальная программа. «При этом, - как замечает В.Н.Базылев, - миф пополняет модели внешнего мира, храня не только программы-стереотипы, но и средства корректировки этих программ (наряду с сохранением эволюции программы)» [1: 142].

Миф (и в целом мифология) понимается сегодня не как застывшее, законсервированное знание, не как реликт, а «дериват или адаптивный элемент системы и структуры» [1: 139]. А это свидетельствует об активной мифологической системе, способной порождать «ментальные парадигматические связи» [1: 21] и реализовывать на уровне речи «парадигматически организованное бессознательное» [там же]. Такая мифологическая экспликация бессознательных парадигматических образований не является случайной, а лишь отражает способность человеческого мозга нести в себе «напластования» миллионов лет биологической эволюции и тысячелетий общественного развития в виде генетической и «социальной наследственности» (термин академика И.П.Дубинина)» [1: 136.].

В этом ключе абсолютно понятной является этноцентрическая концепция мифа (текста и слова в частности как актуализаторов такой «памяти»). «Мифы составляют основу культуры народа, ее плоть и кровь и служат основным способом организации и хранения культурного и мыслительного материала» [1: 136]. Но кроме упорядочивающей, консервирующей, организующей системы, мифы представляются как «актуальные программы, формирующие установки...» [там же].

И здесь возникает несколько вопросов, связанных с вхождением мифа в социальный мир: принимается ли социумом весь миф, или он актуализируется фрагментарно? если фрагментарно, то что является основанием для избирательного восприятия мифа? где более всего нуждаются в мифе? что происходит с мифом, попадающим в социум?

Ответы на эти и другие вопросы – в работах этнолингвистов, лингвокультурологов, этнопсихологов... В зависимости от установки социума: что ищется в мифе: «истинное положение вещей или нечто другое», - миф входит в мир соответственно или целостно, или фрагментарно: во втором случае социум ищет в мифе те или иные виды знания, которые он различает, в которых нуждается и которые способен «считывать»,

воспринимать. «Мифологически мыслят тогда и там, - говорит В.Н.Базылев, - где не могут дискурсивно высказывать (формулировать) ту истину, которую воображение столь же образно воспринимает, как и высказывает» [1: 137]. Поэтому осмелимся утверждать, что миф, нашедший свое место в социальной системе, прямо отражает «запросы» общества и его, если можно так сказать, уровень. При этом миф проходит все стадии «адаптации» в социуме: он реконструируется, инкультурируется, социализируется в данной картине мира. И – главное – интерпретируется в том ключе, который отвечает потребностям общества, то есть миф (фрагментарно введенный в социум) ищет свою нишу в идеологической системе.

Последнее положение (свободная интерпретация мифа в социуме) иллюстрирует коммуникативную функцию мифа, способного (как и слово) получать «смысл и значение из наращиваемого текста в процессе интеграции нового результата с наличным, уже известным, то есть в процессе интерпретации» [1: 139].

Так, миф и язык, будучи равноправными моделирующими системами, изучаются с помощью моделей, понимание которых связано с понятием «глубинных структур» (З. Харрис, Н. Хомский и др.). Среди моделирующих конструкторов когнитивисты выделяют фрейм (М. Минский [13], Ч. Филлмор [17: 61-65]), Л. Талми [16], А.В.Заморева [8: 32]). По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «...это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм - структура данных для представления стереотипной ситуации» [9: 188]. Фреймы, описывающие стереотипные события, М. Минский называет «фреймами сценариев» [13]. А. П. Чудинов в монографии «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [20] говорит, что нередко система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания

модели. Ученый выделяет составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. При характеристике составляющих слота мы употребляем термин «концепт». Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «...о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [9: 90].

В современном мире наблюдаем активное моделирование мифологических сценариев. По утверждению Мирча Элиаде, современный человек все еще чувствует потребность периодически реактуализировать мифологические сценарии, которые, в большинстве своем десакрализируются. Многие мифологические темы, сюжеты живы в современном обществе, но их не так уж легко и различить, так как они прошли длительный процесс секуляризации. Секуляризованные, измененные, закамouflированные, трансформированные порой до неузнаваемости, мифы и мифические сценарии встречаются везде: начиная от всевозможных вариаций космогонического мифа (мифа о начале), реализуемого, скажем, с празднованием Нового года, и заканчивая мифами о потерянном Рае (живущем в образах райского, эдемского сада) и всевозможными мотивами сценария инициации. Подобные мифологические сценарии-модели и являются объектом нашего исследования.

Особенности мифологического сценария о «Потерянном Рае», называемого в числе базисных (Дж. Лакофф, Э. Маккормак), доминантных (А. П. Чудинов), ключевых (Н. Д. Арутюнова) метафорических моделей, проанализированы в религиозно-сакральной сфере на материале современных православных журналов «Отрок», «Фома», «Ионинский листок». На страницах этих изданий мифологема «Рай» реализуется с помощью фреймов и слотов.

В культурно-символическом измерении сценарий «Потерянный Рай» - это моделирование одной из центральных универсальных мифологем – «пути».

Локусно «Рай» представлен двумя векторами, отражающими исконную бинарную оппозицию верха и низа: «Земной Рай» и «Небесный Рай». Характерно, что верхняя точка оппозиции – это семантический многочлен «небесного строения», на страницах изданий актуализируемый синонимами «Место во Вселенной», «земля обетованная», «истинное пристанище». Семантика «устойчивости» концентрируется в мифологеме «Город» (с прозрачной символикой ограждения, замкнутости). Данный мотив рефлексирован к исходной точке мифосценария: Рай – Эдемский сад.

Фрейм «Локус», представленный, с одной стороны, «Небесным Раем», имеет еще один вертикально направленный вектор: «Будущее», «грядущее царство» (одним из вариантов моделирования такого «грядущего Царства» является советско-социалистический сценарий строительства *«нового и светлого будущего»* (Отрок, №6, 2008: 30).

Таким образом, хронотопически «небесный Рай» - «там и завтра» - верифицирован «Вечностью», «Всеобщностью», «Подлинностью», «Высшей царственностью». Именно мифологема «Небесный Рай» локусом «истинная наша Родина» актуализирует космогонический сценарий.

«Земной Рай», в отличие от «Небесного Рая», представляет собой подделку. Утопичность рая на земле связана с имманентным данному сценарию мотивом греха. Абсолютная же десакрализация «Рая» происходит в момент наложения оппозитивных ценностных ориентиров Мировой Осей: когда «Рай» становится «Адом».

Сценарий «Потерянного Рая» разворачивается в пространстве, форма которого определяется не топосами, протяженностью (до пределов страны) и отдаленностью (инаковостью, разъединенностью) двух противоположных локусов: земного и небесного рая, а вертикалью, обустроивающей отношения между верхним и нижним мирами, где сосуществуют центры горизонтально-

вертикальной парадигмы: прошедшего (потерянного Эдема), настоящего («мещанско-животный рай» с его денежными законами) и будущего (разомкнутого в вечность «Царства Небесного»). Хронотоп в этом сценарии развернут вертикально и движется или сверху вниз, или снизу вверх. Отсюда – устойчивый мотив выбора, ощущение постоянного балансирования. Духовно-религиозные тексты неоднократно актуализируют такое движение по локусной вертикали: *«Сыны человеческие, доколе будет отягощено сердце ваше? Жизнь спустилась к вам — разве не хотите вы подняться и жить? Но куда вам подняться, если вы высоко и положили на небо главы свои? Спуститесь, чтобы подняться, и поднимайтесь к Богу: вы ведь упали, поднявшись против Него»* (Отрок, №2, 2009: 12-13), разворачивая центральную для мифологической традиции мифологему «Пути». Ключевым в осмыслении универсальной мифологемы пути является мотив возвращения, который семантически сближает оба «Дома» (что на земле и что на небе) архетипом Отца.

В сценарии «Потерянного Рая» появляется еще один локус: «пустыня», реконструирующий мифологический сюжет странствий, поисков Земли Обетованной, который моделирует «обратный сценарий» космогонического мифа (не от пустыни (изоморфа «начала», «хаоса»), а – к пустыне – обители Духа. Интересно, что обитель эта находится не вовне, а внутри: это – центр микрокосма (человеческой души). – Появляется еще один локус: «Человек»: *«И рай, и ад человек носит в себе самом»* (Отрок, №3, 2009: 47), такая амбивалентность смыкает бинарности. А появление третьего локуса в фреймовой структуре мифологического сценария «Потерянного Рая» проектирует его «продолжение»: «Обретенного Рая».

Духовно-сакральная сфера эксплицирует также современные трансформации ритуала инициации.

В мифологических традициях народов мира инициация соотносится с медиативным состоянием перехода (чаще всего это статусный и возрастной переход), включенного в обрядово-ритуальный комплекс.

Инициация, имея своей целью качественные внутренние и внешние изменения, происходящие с иницируемым, обязательно предполагает жертвенность и – как следствие – временную утрату своего «я», имеющую символический подтекст. То есть, в конечном итоге инициация призвана выполнять терапевтически-психологическую функцию исцеления. Первый этап инициации в духовно-сакральной литературе эксплицируется аксиологическим фреймом «Отделение». Все слоты терминала «локус» фрейма «Отделение» представлены концептуальной метафорой «пустыня (хижина, пещера) одиночества» и маркированы изолированностью, тишиной и отдаленностью от мира суеты. «Пустыня одиночества» смыкает верифицированную инициацию и псевдоинициацию. Первая, истинная, «пустыня одиночества» имплицитно включает такие аксиологические ценности, как «пробуждение, рождение», сопряженные с преодолением препятствий, имеющих большей частью внутренний характер. «Тишина и одиночество» для иницируемого – символ освобождения от «внутреннего хлама». Псевдолокус же эксплицирован бинарной оппозицией «пустыня одиночества» / «мир зла» и, соответственно, мотивирован «внутренним фиаско».

Религиозно-сакральная литература многократно актуализирует сценарий возвращения в первоначальный хаос как первую ступень инициации. Сценарий «Возвращения в хаос», во-первых, разворачивается в локусно замкнутых пространствах: «закрытого на ключ дома», «незнакомых, холодных коридоров», «зарослей городского парка»; во-вторых, идентифицируется с чувством абсолютной покинутости, брошенности, опасности, беспомощности, безысходности, отчаяния, одиночества; в-третьих, семантически отождествляется с путем схождения в ад, маркированным крошечной тьмой, чувством разрыва, пропасти и пр.

Аксиологический фрейм «Отделение», являющийся воспроизведением мифологического сценария «Возвращение в первоначальный хаос», имеет такую структуру: [некто (агенс – иницируемый), руководствуясь таким-то (стимулом – аксиологическими ценностями: духовное преобразование, постижение духовных истин, поиск истинного пути), входит туда-то (локус) на такое-то время (хронотоп)].

Терминал «агенс» представлен метонимическими формами объективации внутреннего состояния иницируемого: одиночество, страх, робость, благоговение, трепет, опасность, разлука, пропасть, разрыв, страх и т.п., которые являются семантическими синонимами мифологического хаоса.

Терминал «локус» представляет собой ряд слотов «пустыня», «пещера», «хижина», «коридоры», «заросли» и пр., отмеченных, с одной стороны, изолированностью, отдаленностью, закрытостью, огражденностью, непроницаемостью, а с другой стороны – колоративными изоморфами «тьмы»: холод, ад и т.п.

Аксиологический фрейм «преодоления испытаний» представляется в виде взаимозаменяемой градационной бинарности, где один член оппозиции «*скорби, страдания, труд для очищения от всякого греха*», эксплицируемый синонимичным, экспрессивно-возрастающим рядом «испытаний», трансформируется в другой. Процесс инициации здесь возможен с помощью мифологемы пути, реализуемой в метафорах «*болезнование сердца и понуждения к добру*» (Отрок, № 6, 2008: 19), «*мытья рук и очищение души как признание своих ошибок и грехов*» (там же: 23). Мифологема пути, представленная рядом метафор, объективируется в ключевых концептах славянской картины мира «серце», «душа» и в мотиве «духовного очищения», имплицитующего семантику «мытья, омовения, крещения», связанную с мифологемой воды.

Таким образом, мифосценарии представляют собой некие стандартные ситуации, имеющие национально-культурную специфику. Именно в

контексте этнической культуры и функционируют мифологические мегафреймы

Использованная литература:

1. Базылев В.Н. Язык – ритуал – миф (пособие по курсу). – М.: МОГУ, 1994. – 227 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. Ст. Г.К.Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его выражение в грамматике языка // Изв. АН СССР, Сер. лит-ры и языка, том 40, 1981, № 4. - С.343-355.
4. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. / Сост. В.В.Петров. - М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. - I-XII, 780 с.; тираж 1000 экз.; ISBN 5-7859-0032-7.
7. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. - М., 1988. - С. 234-257.
8. Заморева А.В. Концепт «общая оценка» в русской картине мира. // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2009. - №2 (39), 2009. – 94 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – 245 с.
10. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты. / Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып.10. - М.,1981. – 356-368 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. – 387-416 с.
12. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. - М.: ИНИОН РАН, 1992. – 56 с. – (Актуальные проблемы прикладного языкознания)
13. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. / Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. - М., 1988. – 281-309 с.
14. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. - М., 1998. - Вып. 36. – С. 274-323.
15. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. - С. 18-29.
16. Талми Л. Отношение грамматики к познанию. // Вестник МГУ, сер. 9. Филология. 1999, № 1. – С. 30 – 48.
17. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. – С. 82-93.

18. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие А.Т.Хроленко; Под. ред. В.Д.Бондалетова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 184 с.
19. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. – Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. - М., 1982. – С. 277-317.
20. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. - Екатеринбург, 2003. - 248 с.